

18+

Julia Vorona

Девочка, которая не разбилась

История моей трансформации

Julia Vorona

Девочка, которая не разбилась. История моей трансформации

<https://litres.ru/74257767>

ISBN 9785007061070

Аннотация

О чём эта книга.

Это история девочки, которая прошла через насилие, бедность, предательство и депрессию — и не разбилась. Она стала женщиной, которая превратила свою боль в карту для других. Julia Vorona не учит. Она просто рассказывает: как было, что чувствовала, что поняла. Выводы — за вами. Если вы когда-нибудь чувствовали себя невидимыми, лишними, сломанными — эта книга для вас. Она о том, как заново собрать себя из осколков. О том, что свет есть — и он горит внутри вас.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Девочка, которая не разбилась. История моей трансформации	5
Пролог. Девочка, которая не побежала	6
Глава 1. Больничный коридор: свет в темноте	9
Глава 2. Санаторий: где я впервые почувствовала заботу	15
Глава 3. Кукла и санаторий: урок о ненадежности обещаний	21
Глава 4. Брат и лягушка: урок об отсутствии эмпатии	27
Глава 5. Фотоувеличитель	31
Глава 6. Деревня: свобода и первые открытия	33
Глава 7. Возвращение и разговор с мамой	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Девочка, которая не разбилась История моей трансформации

Julia Vorona

Иллюстратор Vorona Julia

© Julia Vorona, 2026

© Vorona Julia, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0070-6107-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Девочка, которая не разбилась. История моей трансформации

Пролог. Девочка, которая не побежала

Мне было лет пять.

Мне приснился сон. Я играла у края дома — там, где двор переходил в улицу. Небо было тёмным, вечерним. Горел яркий жёлтый свет — резкий, искусственный. Он заливал асфальт, и от этого небо казалось ещё темнее. Пахло осенью — опавшими листьями и сыростью. Я расставляла кукол и машинки, вслушиваясь в тихие звуки вечера.

Вдруг тишину разорвал крик:

— Дракон!

Всё вокруг мгновенно изменилось. Хаос. Страх. Люди бежали в сторону стройки — туда, где через дорогу темнели силуэты недостроенных домов. Сначала я поддалась — ноги сами понесли меня следом. Я почти залетела в тёмный проём, куда убежала бабушка.

Но вдруг что-то внутри меня развернуло обратно. Я остановилась. Подняла голову к небу.

Я решила найти этого дракона.

В груди закипала странная решимость — не спрятаться, а встретиться с угрозой лицом к лицу. Сердце колотилось. Ладони вспотели. Во мне боролись два чувства: ледяной страх смерти — и горячая, пульсирующая решимость его преодолеть.

Я вдохнула и громко, без тени сомнения, сказала:

— Пшёл вон отсюда!

Не помню, видела ли я его. Может, это была просто тень в облаках. Но напряжение в воздухе спало. Толпа начала отстраниваться. Бабушка обернулась и посмотрела на меня с удивлением и гордостью.

Проснулась я разбитая, с тошнотой. Меня лихорадило. Рядом были бабушка и мама — они переживали, переговаривались: «Опять больничный... В садик сегодня точно не пойдёт...»

Но внутри меня теплилось то самое чувство — гордость за себя. Я сделала что-то важное. Я не убежала. Я пошла против течения. И бабушка это увидела.

Прошло больше сорока лет.

Я никогда раньше не вспоминала эту девочку. Не связывала её с собой. Она жила где-то в глубине памяти — как кадр из чужого сна. Но сейчас, когда я записываю её, когда вижу буквы на экране, — всё встаёт на свои места. Это была я.

И та смелость, та решимость, тот голос — они не исчезли. Они были во мне всё это время. Они помогали мне в моменты, когда хотелось сдаться. Они шептали: «Ты уже делала это однажды».

В девятнадцать я искала опору в вере. В тридцать чувствовала, что меня бережёт Вселенная. И только сейчас я наконец вижу: источник силы был во мне всегда. Он начался с той остановки посреди паники. С одного слова. С решения не бежать.

Вся моя жизнь была битвой с драконом. Он принимал разные формы: одиночество в больничном коридоре, холодный объектив брата, безразличие матери, насилие, бедность, зависимость, депрессия. И каждый раз, когда дракон возвращался, я вставала — и говорила ему: «Пшёл вон отсюда».

Эта книга — история тех встреч. И того, что я поняла.

Глава 1. Больничный коридор: свет в темноте

Этот день разделил мою жизнь на «до» и «после». Меня привезли в больницу, а мама ушла — и мир вдруг стал огромным, холодным и чужим.

Я была совсем маленькой. Уже взрослой я узнала причину: пьяный отец заставил меня убирать пол холодной водой. Я замёрзла и заболела.

Помню огромный длинный коридор. Я сидела посередине, на посту медсестры, лицом вперёд, и то и дело ревела, прикрывая лицо ладошками. Впереди виднелись застеклённые палаты — тёмные, будто поглощающие свет. А позади горело искусственное освещение. Этот контраст отражал моё состояние: впереди — пугающая неизвестность, позади — слабый проблеск надежды, который не мог меня согреть.

Над столом горела единственная яркая лампочка. В моменты, когда боль отступала, я теребила бумажки на столе — перебирала их, разглаживала. Это хоть как-то отвлекало.

Периодически я поглядывала в мамину сторону — она

разговаривала с медсестрой. Я вслушивалась в их голоса, ловила обрывки фраз. Они обсуждали, что меня нужно оставить здесь. От этих слов внутри всё сжималось.

Мама подошла и сказала, что ей нужно уйти. Я расстроилась до боли — горько, невыносимо. Она попыталась прижать меня к себе, но я не почувствовала тепла. Мне было страшно: я уже точно знала, что она всё равно уйдёт.

— Ну, милая, не плачь... Я скоро вернусь, — её голос звучал неуверенно, будто она сама не верила в свои слова. — Ты тут пока поиграй, хорошо?

В её словах, может, и были ласка и любовь, но всё перебивали оправдания. Казалось, она оправдывалась перед самой собой. Я не слышала утешений — только гулкий стук сердца. Внутри всё заледенело: мысль о расставании заполнила меня целиком.

Мама медленно повернулась и шаг за шагом пошла прочь.

Всё остальное перестало существовать. Только я и пустота, которая разрасталась внутри с каждым её шагом. Я осталась одна — в холодном коридоре.

Вокруг царил полумрак. Стены будто давили, а тёмные па-

латы казались провалами в никуда. И лишь над столом медсестры горела лампочка. Жёлтая, дрожащая, но такая яркая в этом мраке. Она отбрасывала круг света на пол — мой островок безопасности. Я вцепилась взглядом в этот свет.

Этот свет был как мамино тепло. Пока он горит, она ещё не совсем ушла.

Потом её силуэт пропал в полумраке. В моём сознании что-то рухнуло. Мой мир рухнул.

Это была отправная точка травмы — момент абсолютного одиночества. Будто меня вырезали из чьей-то жизни и оставили одну. Свет лампы теперь казался последней ниточкой, связывающей меня с мамой. Тонкой, дрожащей, но всё ещё существующей.

Я всё сидела, пока медсестра заполняла бумаги. Потом меня отвели в палату, показали кровать. Я немного осмотрелась, безучастно. Все были чем-то заняты: кто-то играл с мамой, кто-то сидел на ручках. Я не понимала, почему у них всё так хорошо.

Больно.

Я рухнула на кровать от слабости и ревела в стену — дол-

го-долго. Слёзы текли и текли. Перед глазами стояло: холодный пол, ледяная вода, отцовский крик... Он заставил меня мыть пол этой водой. Я замёрзла и заболела. И вот я здесь. И теперь ещё и мама... Она была последним, что связывало меня с домом.

Но в какой-то момент рядом появилась другая женщина. Она не стала сюсюкать или уговаривать «не плакать». Подошла и сказала ровным голосом:

— Ну-ка, хватит реветь. Сколько можно? Ты что, не видишь — все давно успокоились... Пора и тебе перестать.

Она говорила строго, но я уловила в её голосе участие. Будто она пыталась помочь разобраться: вот так — плохо, а вот так — хорошо.

Она протянула мне платок:

— Вытри лицо. И послушай меня. Плакать можно, когда больно или страшно. Но если уже не больно, а ты всё плачешь — это только силы забирает.

Её слова действовали по-особенному: не «успокойся», а чёткие указания — «вытри лицо», «подумай». В этом был свой порядок и едва заметная теплота.

Постепенно дыхание выровнялось. Я подняла глаза на неё — она смотрела спокойно:

— Вот и молодец... Теперь давай решать: что дальше? Пойдём посмотрим, что там на столике дают на ужин? Или сначала в окно посмотрим? Выбирай.

Я кивнула:

— В окно... посмотреть...

— Отлично... Пойдём.

Со временем я начала замечать больше: как кто-то из родителей приносит детям печенье; как дети зовут друг друга играть... Мир перестал быть чёрно-белым.

Тот день разделил мою жизнь на «до» и «после». Тёмный коридор стал метафорой внутреннего состояния: впереди — пугающая неизвестность... Но нашлись люди, которые показали мне другое: тепло прикосновения, мягкость слова.

Сейчас я понимаю: свет лампочки не мог заменить маминых объятий. Но он научил меня видеть маленькие огни даже в самой густой тьме. Даже если мир однажды оставил те-

бя посреди длинного коридора, это не значит, что он всегда будет таким.

Глава 2. Санаторий: где я впервые почувствовала заботу

Спустя какое-то время меня перевели в санаторий. За мной приехала низенькая, длинная машина — такая, какие были в советское время, скорая помощь.

В машине мама подарила мне куклу — крошечную, изящную, сантиметров десять от силы. Вместе с куклой теперь была у меня и новая мозаика. Это немного утешило меня перед поездкой. Я расстроилась, что опять еду к чужим, не домой, в неизвестность.

Машина тряслась всю дорогу от Ленинграда до Солнечно-го. Мелькали деревья, поля, домики — всё казалось чужим и незнакомым.

Я была слабой, бледной, всё ещё болела: насморк не проходил, горло саднило. Но здесь, в санатории, воздух казался чище, светлее — будто сама атмосфера пыталась меня исцелить.

Я понемногу вошла в колею. Робкие знакомства. Общение со взрослыми. И палата. Ночи были длинными, страшными.

Сон не шёл первые дни. Нас было шесть-восемь девочек. Все потерянные. Кто-то посмелее, кто-то более замкнутый. Иногда болтали — если воспитатели не слышали.

В первую же ночь меня разбудили:

— Вставай, малышка, пойдём. Нужно обработать твою ранку.

Мы пошли по длинному коридору. Полы были холодными даже через тапочки. Я шла в полусне и всё время оглядывалась назад. Мне было страшно: я вспоминала неизвестность в больнице, когда ты только привыкаешь к чему-то, а тут тебя опять ведут на другой этаж — и снова процедуры. Страх нового смешивался с подчинением неизбежности: взрослые так велят.

В процедурном кабинете пахло лекарствами: йодом, зелёной, спиртом. Свет лампы был резким, слепил глаза. Врач и медсестра что-то тихо обсуждали, потом один из них сказал:

— Сейчас будет немного больно, но мы постараемся аккуратно.

Меня положили на ледяной стол животом вниз и обрабо-

тали фурункул. Было больно, жгло, хотелось ныть, но я терпела, зная из опыта, что мои слёзы могут быть не услышаны. Я только закусывала губу и сжимала кулачки.

Медсестра всё время говорила со мной — не про процедуры, а про что-то простое: про солнышко, которое завтра выглянет, про птичек за окном. Её голос звучал так тепло, что я постепенно перестала дрожать.

Когда всё закончилось, врач улыбнулся:

— Ну вот, молодец. Теперь заживёт быстрее.

Медсестра поправила на мне халат и мягко подтолкнула к двери:

— А теперь — марш в постель, набираться сил!

Я выдохнула и пошла обратно в палату сама. Но теперь страх отступал — я чувствовала, что обо мне заботятся.

Шли дни режимной жизни. И тогда я впервые заметила его. Наш воспитатель сразу выделялся среди взрослых. Он был какой-то другой. Не такой, как взрослые дома. В нём не было этой тяжести и холодности. Он словно светился изнутри — задорный, живой.

Помню его смех — громкий, раскатистый. Когда он смеялся, казалось, что даже стены санатория теплеют. Он не стеснялся кривляться и строить рожицы.

Он умел превратить любую мелочь в приключение: обычный камешек становился волшебным амулетом, а лужа — озером с крокодилами.

Воспитатель придумал замечательную игру — «Поезд». На улице была площадка с настоящим игрушечным поездом: железная кабина машиниста с рулём и миниатюрные световые фары.

Он объявил:

— Сейчас мы будем водить поезд! Каждый из вас по очереди станет машинистом. Нужно зайти в кабину и громко сказать: «Внимание, поезд отправляется!»

Дети зааплодировали и стали выстраиваться в очередь.

Когда дошла очередь до меня, я вдруг замерла. Кабина казалась такой тесной, а все глаза — такими большими и внимательными. Я отступила назад:

— Я не могу.

Внутри меня боролись два чувства: страх оказаться в центре внимания и горькое разочарование от мысли, что это всё понарошку. Поезд не поедет по настоящим рельсам, мы не отправимся в далёкое путешествие, не увидим новые города за окном. Всё это просто игра.

Воспитатель это заметил. Он подошёл ко мне, присел на корточки и тихо сказал:

— Ничего страшного, если боишься. Давай попробуем вместе? Я буду рядом.

Он улыбнулся так спокойно и уверенно, что мне стало легче. Я кивнула и забралась в кабину. Взялась за металлический руль, сжала его покрепче. Руки дрожали, сердце колотилось где-то в горле.

Но я вдохнула поглубже и громко произнесла:

— Внимание, поезд отправляется! Путь свободен, едем вперёд!

Все захлопали, закричали «ура!», а воспитатель подмигнул мне:

— Вот видишь? Ты настоящий машинист!

Этот момент отпечатался во мне навсегда. Впервые я почувствовала, что кто-то видит меня — не просто ребёнка, а меня настоящую, со всеми моими страхами и сомнениями. И что этот кто-то готов быть рядом, когда страшно.

В этом санатории я впервые почувствовала, что обо мне заботятся. Тёплый голос медсестры, улыбка воспитателя, простые моменты поддержки — всё это оставило след. Но где-то глубоко уже зрело другое знание: даже забота может оказаться временной. Этот урок я получила чуть позже — с куклой и бабушкиным обещанием.

Глава 3. Кукла и санаторий: урок о ненадежности обещаний

Я знала, что за мной сегодня приедет кто-то. От этой мысли становилось тепло внутри — может, бабушка привезет что-то вкусное? Или мы сразу пойдём гулять?

После завтрака я взяла с собой куклу — ту самую, что мама подарила мне перед поездкой в санаторий. Я могла часами в неё играть: наряжать, укладывать спать, рассказывать сказки. Она была совсем крошечная — умещалась в кармане моего сарафана, и я то и дело проверяла, на месте ли она, — гладила прохладную пластмассу, поправляла золотистые волосы.

Поиграла немного, потом присела на кровать. Взяла книжку с картинками, стала листать. Читать ещё не умела, но разглядывать рисунки нравилось: тут зверушка, там домик, вот дерево с птицами.

Со стороны коридора кто-то громко крикнул, что за мной приехали. Я вскочила, бросила книжку и радостно помчалась встречать.

Добежала до коридора, запыхавшись, и замерла. Возле раздевалки с множеством шкафчиков стояла бабушка. Вокруг было пусто — может, все ушли гулять, а может, весь мир просто замер в этот момент. Я улыбнулась ей во весь рот, ожидая, что она улыбнётся в ответ, обнимет, скажет что-то радостное.

Но бабушка только кивнула и сразу стала серьёзной:

— Поторапливайся со сборами, нам ещё надо успеть на электричку.

Она всегда была такой — торопливой и тревожной. Всё время что-то проверяла, о чём-то волновалась. То поправит шарф, то посмотрит на часы, то вздохнёт и покачает головой. Мне казалось, что у неё в голове живёт целая стайка воробьёв — они громко чирикают и толкаются, не давая ей остановиться хоть на минутку.

Я кивнула, стараясь не показать, что немного расстроилась. Быстро побежала за своими вещами. В игровой комнате на полу всё ещё лежали детали мозаики — я аккуратно собрала их в коробку. Рядом на кровати осталась книжка с картинками. Я на мгновение задержалась, провела рукой по обложке — как будто прощалась с этим местом.

Пока я складывала вещи, бабушка сказала:

— Отдай куклу и мозаику девочке из соседней группы. Она болеет, лежит одна в кровати — ей будет приятно. А я тебе в городе новую куклу куплю, ещё лучше!

Я заплакала. Бабушка тут же добавила:

— Ну не расстраивайся, я куплю тебе новую куклу, самую красивую!

Кукла завораживала. Белоснежное платье с кружевами, белые туфельки, золотистые волосы, уложенные волнами. Возможно, это была Красная Шапочка или Дюймовочка. Я даже не успела с ней как следует поиграть.

Я помнила её на ощупь: гладкая, прохладная пластмасса ручек и ножек; кружевные оборки платья — чуть шершавые; туфельки — твёрдые и гладкие; запах — новый, пластмассовый, с лёгким оттенком чего-то сладкого, как конфеты.

Во мне что-то боролось: с одной стороны, хотелось помочь больной девочке, а с другой — было ужасно жалко себя и свою новую куклу. Руки дрожали, в горле стоял ком. Я в последний раз посмотрела на куклу, достала её из кармана сарафана, осторожно провела пальцем по кружевам её пла-

тьишка, ощутила прохладную гладкость пластмассы и шершавость оборок.

«Бабушка не обманет, — подумала я. — И девочке правда будет приятно».

Я отложила мозаику, взяла куклу обеими руками и подошла к кровати. Осторожно, почти благоговейно, передала игрушку девочке. Потом вернулась за коробкой с мозаикой — её я тоже протянула новой хозяйке. Шорох деталей, когда я ставила коробку рядом с кроватью, прозвучал как последний аккорд прощания с моей радостью.

Девочка, лежавшая на кровати у окна, подняла на меня большие глаза — она явно не ожидала такого подарка.

— Спасибо... — тихо и удивлённо прошептала она, прижимая куклу к груди. Её бледное лицо чуть порозовело, а в глазах заблестели слёзы радости. — Какая красивая... Я никогда такой не видела!

Мне стало немного легче на душе, но в груди всё равно что-то сжималось. Я улыбнулась ей, хотя на глазах снова выступили слёзы.

Дорога от санатория до вокзала казалась бесконечной.

Осенние листья кружили под натиском ветра, словно мои мысли, преграждая мне путь. Они цеплялись за ноги, шуршали, шептали что-то тревожное.

Пока мы шли к электричке, прошла вечность. Каждый шаг по опавшим листьям отдавался в ушах. Бабушка шла впереди, не оглядываясь. Я старалась не отставать, но ноги будто налились свинцом. Ветер швырял листья мне под ноги.

Через несколько дней я напомнила про обещание:

— Бабушка, а когда ты купишь мне новую куклу? Ту, что красивее этой?

Она замерла на мгновение, будто забыла обо всём, что говорила тогда в санатории. Потом вздохнула и отмахнулась:

— Забыла, потом как-нибудь. Сейчас не до этого.

Вместо красивой куклы мне купили пупса — маленького, безликого, совсем не похожего на ту, что я отдала. На ощупь он был липким, неприятным. Цвет — тускло-розовый, без блеска. Запах — резкий, химический, совсем не такой, как у моей куклы.

Я молча покачала головой. Пупс лежал на ладони — чу-

жой, холодный. Я сжала пальцы, спрятав его от глаз.

Той ночью я плакала в подушку. Солёный след на щеке, прохлада наволочки. За окном шуршали листья — будто перешёптывались о чём-то своём. Я уткнулась в подушку, глотая слёзы. Почему бабушка не купила ту куклу? Почему сказала «хватит капризничать»? Вопросы крутились в голове, но ответа не было. Просто... так было.

В тот день я потеряла не просто куклу. Что-то внутри меня опустело. Мир перестал быть местом, где взрослые держат слово. Этот урок я усвоила рано — и потом, спустя десятилетия, мне пришлось учиться заново: что обещания могут выполняться, что на людей можно положиться, что доверие не всегда ведёт к боли. Но тогда, в детстве, я этого ещё не знала.

Глава 4. Брат и лягушка: урок об отсутствии эмпатии

Это было в первой деревне — той, где прошло моё детство. Там ещё были крёстная, её бывший муж — весёлый, шумный, он катал нас на мотоцикле на речку, — и друзья, и тепло летних дней. Мне было хорошо. Но стоило брату появиться в моём пространстве, как всё меркло. Не страх — скорее, обескураженность. Я не понимала, что с ним делать, как реагировать. Просто внутри всё сжималось.

Я игралась с ребятами на улице. Мы бегали, что-то кричали, спорили, смеялись — обычная детская возня. Я была увлечена, полностью погружена в игру. В такие моменты мир становился простым и понятным: есть правила, есть друзья, есть азарт.

Брата я сторонилась. Не могла находиться в его обществе — и долго не понимала почему. Просто внутри всё сжималось, когда он появлялся рядом. С ним было тяжело. Неинтересно. И стыдно.

Стыд — странное чувство для ребёнка по отношению к старшему брату. Но я испытывала именно его. Мне было

неловко за него перед другими. За его манеру говорить, за его отстранённость, за его странности, которые я не могла объяснить словами, но чувствовала кожей.

И одновременно с этим — тревога. Внутреннее напряжение, которое не проходило, пока он был рядом. Тело реагировало раньше, чем сознание успевало понять: что-то не так. Я не могла расслабиться, не могла выдохнуть.

Поэтому я избегала его. Играла с ребятами подальше от дома, подальше от его глаз.

Но в тот день он сам подошёл ко мне. Я не заметила, откуда он взялся, — просто вдруг оказался рядом.

— Иди сюда! Смотри! — позвал он.

Я колебалась. С одной стороны — игра, ребята, азарт. С другой — этот странный интерес: что он хочет показать? Я пошла за ним.

Брат сидел у лужи. В руках держал соломинку. Перед ним была лягушка — маленькая, живая.

Он проткнул соломинкой ей бок.

Внутри у меня всё сжалось. Руки похолодели. В горле встал ком. Я не могла отвести взгляд — и не могла понять, что мне делать.

— Не надо! — вырвалось у меня. — Отпусти её.

Он даже не обернулся. Продолжал своё дело и негромко, почти задумчиво произнёс:

— Тише. Смотри, как интересно.

Я стояла и смотрела. Не могла заставить себя вмешаться. Ноги будто приросли к земле. А внутри поднималась жалость — острая, обжигающая. Лягушку было жалко. Так жалко, что хотелось заплакать.

Я снова попыталась:

— Пожалуйста, она же живая...

Он посмотрел на меня — отстранённо, без злости, без эмоций. Так, будто я сказала что-то глупое.

— Она же просто лягушка.

Я отошла в сторону. На земле рядом лежали сломанная

травинка и целая соломинка. Я машинально отметила этот контраст: одна — хрупкая, переломленная, другая — прочная, острая. Сама не знаю, почему эта деталь врезалась в память.

Мне было стыдно. За брата. За то, что я просто стояла и смотрела. За то, что не смогла защитить.

В тот день я впервые увидела в брате то, что потом буду замечать годами: тихое, глумливое наслаждение чужой болью. Он не кричал, не угрожал. Он просто делал своё дело — с каким-то внутренним смехом, который был слышен только мне. А я стояла рядом и не могла его остановить.

Этот разрыв между нами так и не сократился.

Глава 5. Фотоувеличитель

Мы поехали покупать ему фотоувеличитель. Огромный чёрный чемодан, обитый изнутри серым поролоном. Он пах резко, химически — запах въедался в ноздри, оставался в горле. Я до сих пор помню этот запах. Помню тяжесть этого чемодана — не физическую даже, а какую-то другую. Тяжесть события, которое ещё не развернулось, но уже нависло.

Мы ходили по магазинам. Брат придирался ко всему подряд: одна модель его не устраивала, другая тоже — то не так, это не эдак. Продавцы меняли коробки, доставали новые, переглядывались. Я стояла рядом и молчала. Внутри уже жила тревога — я знала: в любой момент может разразиться скандал.

Я была голодная. Уставшая. Хотелось есть, хотелось домой, хотелось, чтобы этот день просто закончился.

Мы вышли из магазина. Валил мокрый снег. Под ногами хлюпала грязь. День был серым — и этот серый цвет будто просочился внутрь меня. Ни радости, ни надежды. Только усталость и предчувствие.

О том, что мне в тот день ничего не купили, я подумала уже потом. А в тот момент — только страх. Чтобы ничего не случилось. Чтобы брат не сорвался. Чтобы мы просто доехали до дома.

Домой мы возвращались, когда уже стемнело. Кромешная тьма. Она нависла надо мной, над моим существованием — густая, давящая.

Я ещё не знала, что ждёт меня дальше.

Глава 6. Деревня: свобода и первые открытия

А потом была другая деревня. Бабушка с дедушкой купили дом на её родине, и мы стали жить там. Я не хотела уезжать. В первой деревне остались крёстная, друзья, всё, к чему я привыкла. А здесь было холодно. Чужая улица, чужие дома. Первое время я просто бродила — искала, с кем можно поговорить, к кому прибиться. Чувствовала себя потерянной.

Но постепенно и здесь появилась свобода. Мы бегали с ребятами по полям, собирали грибы, строили шалаши. Забирались в ангары, зарывались в солому — там, в соломе, мы устраивали убежища, куда не долетали крики взрослых. Там был целый тайный мир: наш, детский, настоящий. Я чувствовала себя живой.

Но даже там меня настигал стыд.

Брат устраивал скандалы. Громкие, страшные, с криками и вспышками гнева — такие, что их слышала вся деревня. Я видела, как соседи переглядываются, как замолкают, когда я прохожу мимо. Все знали, что он «такой». Я чувствовала

себя изгоем. Мне было стыдно перед друзьями — стыдно дождения в щеках, до желания провалиться сквозь землю.

Его крики напоминали: мир небезопасен. Даже здесь. Даже когда кажется, что всё хорошо.

Он мог часами сидеть на дровянике — на задах дома, где складывали дрова. Курил и смотрел вдаль. А там, за полями, простиралось пространство километров на пятнадцать, может, больше. И он смотрел. Целыми днями. Ни с кем не говорил, ничего не делал. Просто сидел и смотрел.

Взаимодействие с ним, конечно, было — бабушка с дедушкой что-то просили, и он, может быть, даже делал. Но в памяти это не отпечаталось. Это было его главное занятие.

Брат в хозяйстве не участвовал. Его не трогали — «он больной». И вся мужская работа ложилась на нас с дедушкой.

Брата не просили — его нельзя было трогать. А я могла. И я становилась не внучкой, а внуком. Помощником. Тем, на кого можно положиться, когда больше не на кого.

Меня всё время к чему-то приучали. То бабушка звала: «Помоги постирать», «Прополи огород», «Принеси воды с

колонки». А колонка далеко, а я девочка. Вёдра тяжёлые, пока донесёшь — руки отнимаются. Я понимала, зачем это — мы же потом будем это есть, это наша еда на зиму. Но форма, в которой меня просили, вызывала сопротивление. Бабушка не умела благодарить — просто ставила перед фактом: «Надо». И я чувствовала несправедливость. Почему брата не трогают, а с меня спрашивают?

С дедушкой было иначе. Он был мягче, веселее. С ним и пилить, и мастерить было легче. Он хотя бы улыбался, подмигивал, шутил. Но иногда и он давил: «Пошли». И я подчинялась.

Мы с дедушкой пилили брёвна. Мне хотелось гулять, бегать к ребятам, лезть в солому. Но дедушка говорил: «Иди, мы с тобой попилим брёвнышки». Мне было обидно. Но я подчинялась.

Теперь я понимаю: оттуда, из тех дней с пилой и брёвнами, выросла моя «рукастость». Я могу взять перфоратор, могу справиться с цепной пилой. Дедушка невольно научил меня мужской работе — не потому что хотел научить, а потому что ему нужен был помощник. И его слабость — неспособность заставить внука — стала моей силой. Умением выживать самостоятельно.

В то лето случилось ещё одно событие. Я проснулась утром, увидела пятна на белье и замерла. Я не знала, что это такое. Мне было страшно — и почему-то стыдно. Будто я сделала что-то неправильное.

Кажется, бабушка дала мне тряпки — старые, выстиранные. Объяснила, как ими пользоваться. Без лишних слов. Без объятий. Без разговоров о том, что это значит — становиться девушкой.

А потом подошёл брат.

Тот самый брат, который мучил лягушку, который заставлял меня позировать в фотолаборатории. Он увидел моё состояние и спокойно, без насмешек, объяснил основы гигиены. Сказал, что это нормально. Что ничего страшного не происходит.

Я боялась купаться. Он сказал, что в этом нет ничего такого — купаться можно.

Это было странно: человек, которого я боялась и стыдилась, вдруг оказался единственным, кто поговорил со мной об этом прямо. Кто не отвёл взгляд. Кто не замолчал.

Я не могу сказать, что я постоянно его стыдилась. То, о

чём он говорил, было интересно. Он замечал то, чего не замечали другие. Вечерами мы смотрели на небо, разглядывали звёзды, и это было настоящее. Но я чувствовала подтекст. Он давил на меня, а я боялась этого давления. Я помню эту нужду, когда он заставлял меня сидеть с ним дольше, чем я хотела. Я делала ему одолжение. Он держал меня в напряжении. Я уже сделала для себя какие-то выводы, уже поняла что-то — а он всё не отпускал: «Давай ещё посидим, давай ещё посмотрим». И я оставалась. Потому что боялась отказать.

Это странное состояние — когда ты человека и боишься, и ненавидишь, и в то же время тянешься к нему. Я не знаю, как это называется. Но это было.

Его странности никуда не делись. Бабушка с дедушкой поселили нас вместе, в одной комнате — она называлась «прируб». Холодная пристройка к избе. Мы спали в одном помещении. И каждый вечер, возвращаясь с прогулок с ребятами, я чувствовала тяжесть. Мне не хотелось идти домой.

Лето заканчивалось. И начиналась дорога домой.

Денег не было. Продуктов не было. Весь наш рацион на зиму — это то, что мы с бабушкой и дедушкой вырастили на огромном огороде. Общий вагон поезда, битком набитый

людьми и коробками. По сорок коробок с картошкой, морковкой, луком. Люди спят на третьих полках. Духота. Теснота.

Я помню одну из таких поездок. Я была подростком, но всё равно казалась себе маленькой и потерянной. Сзади за плечами — набитый рюкзак, килограмм на двенадцать. Меня впихивают в вагон вместе с толпой и вещами.

Мы сидим в поезде уже десять часов. Без куска хлеба.

Я сижу в тамбуре на этом рюкзаке. Даже не знаю, что там, внутри, есть еда. Я узнаю об этом только на вокзале. А пока я просто смотрю, как другие едят, и сглатываю слюну.

Бабушка потом сказала: — Ну я же тебе говорила, что поест есть.

А я смотрела тогда, на чужие бутерброды и чувствовала только пустоту и унижение.

В тот момент всё лето перечёркивалось. Мы выжили на этом огороде — чтобы потом умирать от голода и стыда в поезде по дороге домой.

Таких поездок было много.

Деревня дала мне три урока, которые я несла с собой де-

сятилетиями. Первый: свобода возможна — но она всегда временна и всегда отравлена чьим-то присутствием. Второй: с тобой что-то происходит — а поговорить об этом не с кем. Бабушка даёт тряпки. Брат объясняет правила. Мамы нет. Третий: если ты не «больной», с тебя спросят. И ты станешь внуком, помощником, тем, кто пилит брёвнышки, пока другие витают в облаках. Из этой несправедливости вырастет сила. Но детство в тот момент заканчивается.

Глава 7. Возвращение и разговор с мамой

Мы вернулись из деревни. Прошло несколько дней.

Я старалась не думать о том, что было до отъезда. О том, что происходило в нашей квартире. Всё это казалось далёким кошмаром, который, может быть, наконец остался позади. Я убеждала себя, что никто ничего не узнал. Что можно просто жить дальше.

В голове крутилась одна мысль: «Может, всё обошлось?»

Но однажды мама сказала: — К нам приходили. Пока вас не было. Они рассказали. Про то, что творилось у нас дома.

Мама говорила это, избегая моего взгляда. Мы стояли друг напротив друга. Это был не разговор, не диалог — она меня отчитывала. Я не помню, чтобы она спрашивала, как это произошло. Упор был на другом: «Так нельзя. Как ты могла».

Я не оправдывалась. Не спорила. Я просто молчала и редела. Я реально чувствовала себя виноватой. Я была целиком и полностью виновной. И я сразу почувствовала, что она выгораживает брата. Не меня — его. От этого становилось ещё больнее. Я перестала ждать, что она встанет на мою сторону. Я просто стояла, плакала и кивала. Я не могла вымолвить ни слова.

Она сказала, что так делать плохо. И вышла из комнаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.